

УДК 82-21 Островский А. Н.

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-98-112

ДРАМА «ГРОЗА» А. Н. ОСТРОВСКОГО – ОБЪЕКТ ПОЛЕМИКИ Л. Н. ТОЛСТОГО С Н. А. ДОБРОЛЮБОВЫМ

Павлова И. Б.

*Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук
121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25 а, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Раскрыть отношение Толстого к пьесе Островского «Гроза» в её интерпретации основоположником «реальной критики» Добролюбовым.

Процедура и методы. На основании анализа взглядов Толстого на творчество Островского, драму «Гроза», черновых вариантов романа «Анна Каренина», касающихся гибели Катерины, сделаны выводы о возможном отталкивании Толстого не только от пьесы Островского, но и от статей Добролюбова, посвящённых ей, скрытой полемике с критиком.

Результаты. Выбор, сделанный Толстым в пользу одного из вариантов трагического исхода в романе «Анна Каренина», даёт представление о причинах неприятия писателем драмы Островского «Гроза», о его критической оценке демократического крыла русской общественной мысли в лице её главных представителей Добролюбова и Чернышевского. Толстой и Добролюбов по-разному трактовали человеческую натуру, у каждого было собственное понимание эвдемонизма, проблемы добра и зла, взаимоотношений личности и среды, задач литературы. Писатель полемизировал с шестидесятиниками по трём основным направлениям: социальному, этическому, эстетическому, что нашло отражение в ряде его произведений, в том числе в романе «Анна Каренина».

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье освещён вопрос, касающийся полемической позиции Толстого в отношении задач современной литературы, революционно-демократического просветительства 1860-х гг., «реальной критики» Добролюбова, его интерпретации драмы Островского «Гроза», который реализовался как в прямых публицистических высказываниях художника, так и в процессе подготовки романа «Анна Каренина». Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении творчества Толстого и истории русской критики, в курсе преподавания истории русской литературы XIX в.

Ключевые слова: драма «Гроза», идейно-художественное противостояние, образ Катерины, статьи Добролюбова

THE DRAMA “THUNDERSTORM” BY A. N. OSTROVSKY AS THE OBJECT OF THE POLEMIC OF L. TOLSTOY WITH N. DOBROLYUBOV

I. Pavlova

*Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
ul. Povarskaya 25 a, Moscow 121069, Russian Federation*

Abstract

Aim. We reveal Tolstoy's attitude to Ostrovsky's play “Thunderstorm” in its interpretation by Dobrolyubov, the founder of “real criticism”.

Methodology. Using the analysis of Tolstoy's views on Ostrovsky's work, the drama “Thunderstorm”, and the draft versions of the novel “Anna Karenina” relating to the death of Katerina, we make conclusions that Tolstoy possibly used not only Ostrovsky's play, but also Dobrolyubov's articles dedicated to it and hidden polemic with a critic.

Results. The choice made by Tolstoy in favor of one of the variants of the tragic outcome in the novel "Anna Karenina" gives an idea of the reasons for the writer's rejection of Ostrovsky's drama "Thunderstorm", about his critical assessment of the democratic wing of Russian social thought in the person of its main representatives such as Dobrolyubov and Chernyshevsky. Tolstoy and Dobrolyubov interpreted human nature in their own ways; each had his own understanding of eudmonism, the problem of good and evil, the relationship of the individual and the environment, and the tasks of literature. The writer polemicized with the writers of the mid-18th century in three main directions: social, ethical, and aesthetic, which was reflected in several his works, including in the novel Anna Karenina.

Research implications. The paper discusses the issue of Tolstoy's polemic position in relation to the tasks of modern literature, the revolutionary and democratic education, the "real criticism" of Dobrolyubov, and his interpretation of Ostrovsky's drama the "Thunderstorm", which was realized both in direct journalistic statements of the artist, and in the process of writing the novel "Anna Karenina." The results of the study can be used to further study Tolstoy's work and the history of Russian criticism, as well as in the course of teaching the history of the Russian literature of the 19th century.

Keywords: the drama "Thunderstorm", image of Katerina, articles of Dobrolyubov, ideologically artistic confrontation

Введение

В конце XII главы раннего конспективного наброска романа «Анна Каренина» запечатлены точка невозврата в отношениях героини и её возлюбленного (Татьяны Сергеевны и Ивана Балашова, на тот момент) и последовавший затем суицид в Неве¹.

Почему же Толстой отверг этот вариант самоубийства и избрал для героини гибель на железной дороге? Как многократно отмечали исследователи, железная дорога, по убеждению писателя, устойчивый символ дегуманизации общества, зла современной цивилизации, враждебной благосостоянию народа, растлевающей людей. С ней связано тёмное, греховное, искусительное начало. Этот образ-символ проходит через весь роман. А суицид в реке невольно вызывает ассоциации с гибелью Катерины из драмы А. Н. Островского «Гроза», женщины, несчастной в семейной жизни, изменившей мужу и в порыве отчаяния покончившей с собой. Современные исследователи в основном движутся в русле общепринятых в отечественном литературоведении трактовок образа главной героини драмы Островского. На их взгляд, многие женские образы в творчестве Островского несут нравственно-духовные начала. Драматург

«представляет героинь своих пьес в период острого кризиса и выбора жизненного пути в ситуации выбора между чувством и долгом, между мнимым (или подлинным) покоем и благополучием и собственным счастьем в их представлении» [1, с. 159], а ситуация, в которой оказалась Катерина, которая вместо счастья захлебнулась горем, обусловлена средой [9, с. 240].

Чтобы уяснить вопрос, могло ли возникнуть у Толстого воспоминание о драме «Гроза» в процессе написания приведённого выше эпизода, следует прежде всего рассмотреть, как воспринимал писатель деятельность драматурга, их человеческие контакты.

Толстой познакомился с Островским в 1850-х гг., находился с ним в дружеских отношениях, ценил его эстетические и жизненные суждения, признавал незаурядное дарование, хотя порой высказывал критические замечания о произведениях (например, о драматической хронике «Козьма Захарьич Минин-Сухорук») и творческом развитии художника, что нашло отражение в его письмах. Так, обращаясь к В. П. Боткину 29 января 1857 г., писатель с большой похвалой отзывался о комедиях «Банкрот», «Доходное место», но указал на факторы, которые могут повредить развитию таланта их автора: «Комедия же Островск[ого] по-моему есть лучшее его

¹ Описание рукописи дано в работе Л. Д. Громовой-Опульской «А. С. Пушкин у истоков "Анны Карениной": текстология и поэтика» [2, с. 238, 240].

произведение, та же мрачная глубина, которая слышится в “Банкруте”, после него в первый раз слышится тут в мире взяточников-чиновников, который пытались выразить Сологубы, Щедрины и компания. Теперь же сказано последнее и настоящее слово. Так же как и в “Банкруте”, слышится этот сильный протест против современного быта; и как там этот быт выразился в молодом прикащике, как в “Горе от Ума” в Фамусове, так здесь в старом взяточнике Секретаре Юсове. – Это лицо восхитительно. Вся комедия – чудо. Но... ежели бы автор жил не в кружке, а в Божьем мире, это могло бы быть chef-d’œuvre, а теперь есть тяжёлые грустные пятна. – Остр[овский] не шутя гениальный драматический писатель; но он не произведёт ничего вполне гениального, потому что сознание своей гениальности у него перешло свои границы. Это сознание у него уже теперь не сила, двигающая его талант, а убеждение, оправдывающее каждое его движение»¹. О значимости мнения Островского для писателя свидетельствует его письмо к А. А. Толстой от 14 ноября 1865 г., в котором он привёл слова собрата по литературному цеху относительно своей пьесы антиинигилистической направленности «Заражённое семейство» (1863–1864): «Островский – писатель, к[отор]ого я очень люблю – мне сказал раз очень умную вещь. Я написал два года тому назад комедию (к[отор]ую не напечатал) и спрашивал у Островского, как бы успеть поставить комедию на Моск[овском] театре до поста. Он говорит: “Куда торопиться, поставь лучше на будущий год”. Я говорю: “Нет, мне бы хотелось теперь, потому что комедия очень современна и к будущему году не будет иметь того успеха”.

– “Ты боишься, что скоро очень поумнеют?”»²

Толстой присутствовал на спектаклях «Доходное место» (1856), «Шутники» (1864), «Горячее сердце» (1869), «Последняя жертва» (1878), посещал постановки, на которых были представлены отрывки из пьес «Лес» (1870), «Волки и овцы» (1875), «Таланты и поклонники» (1882). Он желал привлечь Островского к сотрудничеству в «Посреднике», что явствует из его письма, датированного 22 мая 1886 г., однако скоропостижная смерть драматурга, последовавшая 2 июня того же года, помешала осуществиться этому замыслу в полной мере. В издательстве «Посредник» были напечатаны с разрешения автора две комедии: «Бедность не порок» (1853) и «Не так живи, как хочется» (1854).

Симпатия Толстого к личности Островского оставалась неизменной. По свидетельству Н. Н. Гусева, писатель говорил: «Он мне нравился своей простотой, русским складом жизни, серьёзностью и большим дарованием. Он был самобытным, оригинальным человеком, ни у кого не заискивал, даже в литературном мире»³.

В вариантах к статье «О Шекспире и о драме» (1903–1904) Толстой отмечал: «Современная русская драма, Гоголь, в особенности Островский, в его первых вещах до “Грозы”, глубоко волновали и трогали меня»⁴, далее он упоминал о «восхищении» пьесами Грибоедова, Гоголя, Островского⁵.

Драма «Гроза» (1859; впервые опубликована в «Библиотеке для чтения», 1860, № 1), созданная в преддверии важнейших общественных перемен в России, не получила одобрения Толстого. В письме к Фету от 23 февраля 1860 г. он отрицательно отзывался об этой пьесе и о романе Тургенева «Накануне»: «“Гроза” же есть по-моему плачевное сочинение, а будет иметь успех. Не

¹ Толстой Л. Н. В. П. Боткину // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 60. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 156.

² Толстой Л. Н. А. А. Толстой. 1865 г. Ноября 14. Я. П. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 61. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 115.

³ Гусев Н. Н. Вблизи Толстого // Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. Из Ясной поляны в Чердынь. Отрывочные воспоминания. Лев Толстой – человек. М.: Художественная литература, 1973. С. 20.

⁴ Толстой Л. Н. Варианты к статье «О Шекспире и о драме» // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 35. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 558.

⁵ Там же. С. 561.

Островский и не Тургенев виноваты, а время. Теперь долго не родится тот человек, который сделал бы в поэтическом мире то, что сделал Булгарин»¹. Смысл последней фразы разъяснил биограф Толстого Н. Н. Гусев: «В письме к Фету Толстой выступает решительным противником господствующего направления (духа времени, как он его понимал) в этих двух важнейших пунктах: в “разрушении эстетики” (выражение Писарева) и в признании свободы любви»². Гусев указывал, что вскоре после возвращения из Севастополя у Толстого начались споры с представителями круга «Современника» относительно Жорж Санд и её романов. Он резко отвергал проповедь свободной любви, исходившей от писательницы и её сторонников. Со временем позиция Толстого стала ещё более жёсткой. Этому немало способствовало сближение с крестьянским миром, где поведение Катерины могло встретить только всеобщее порицание. «Вместе с тем Толстой считает, что современное направление (“время”) непреодолимо, что нет теперь и в ближайшем будущем не предвидится, таких писателей, которые бы вступили с ним в борьбу. Вступить в борьбу с господствующим направлением мог бы только новый Булгарин, который, по мнению Толстого, ещё не родился и родится не скоро. То, что именно новому презренному Булгарину, а не кому-либо другому Толстой отводит роль борца с господствующим направлением, как будто указывает на то, что Толстой считал это направление прогрессивным, хотя сам и не сочувствовал ему.

Письмо заканчивалось приведённым выше утверждением Толстого о том, что нужно теперь не писание повестей, а нечто совсем “другое”: нужно учить Тараску и Марфутку всему тому, что знаем мы, образованные люди»³.

¹ Толстой Л. Н. А. А. Фету. 1860 г. Февраля 23. Я. П. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 60. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 325.

² Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: АН СССР, 1957. С. 360.

³ Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: АН СССР, 1957. С. 360.

Восприятие Толстым пьесы не изменилось и по прошествии значительного времени. Запись, сделанная в дневнике В. Ф. Лазурского от 21 июля 1894 г., гласит: «Из пьес Островского Лев Николаевич особенно любит “Бедность не порок”, называет её весёлой, сделанной безукоризненно, “без сучка и задоринки”. Хвалёной “Грозы” не понимает; и зачем было изменять жене, и почему нужно ей сочувствовать, тоже не понимает. Жадова находит сделанным слишком по рецепту, “с ярлычком”. Высоко ставит у Островского совершенное знание языка действующих лиц»⁴.

Спектр оценок «Грозы» современниками был весьма широк. Причём литераторы, обладавшие тонким эстетическим вкусом, могли дать прямо противоположные отзывы.

Драма «Гроза». Л. Толстой и Н. Добролюбов

Особое место занимают в русской критике статьи Добролюбова «Тёмное царство» и «Луч света в тёмном царстве», появившиеся в журнале «Современник»

⁴ Лазурский В. Ф. Дневник // Литературное наследство. № 37–38: Л. Н. Толстой. II. М.: АН РАН СССР, 1939. С. 469.

Следует отметить близость психологического типа героинь Островского и Толстого, Катерины Кабановой и Анны Карениной. Это русские женщины, живущие сердцем, чувствами, склонные к драматизации событий, не всегда способные властвовать собой и побеждаемые обстоятельствами. А эпиграф романа «Мне отмщение, и Аз воздам» (Второзаконие, гл. 32, ст. 35) и название драмы – «Гроза» связаны с понятием Высшего суда. Как писал в своей монографии В. Лакшин: «Гроза в пьесе многолика – не только образ душевного переворота, но и страха: наказания, греха, родительского авторитета, людского суда. ... Конечно, это лишь одна грань образа и гроза в пьесе живёт со всей натуральностью природного дива: движется тяжёлыми облаками, ощущается недвижной духотой, разражается громом и молнией и освежающим дождём – и со всем этим в лад идёт состояние подавленности, минуты ужаса принародного раскаяния и потом трагическое освобождение, облегчение в душе Катерины» [5, с. 350–351].

Толстой не затрагивал вопроса о сюжетостроении пьес Островского, в частности драмы «Гроза», которая обнаруживает «центростремительный» принцип композиционной организации, и Катерина является катализатором сюжетобразующей организации пьесы [7, с. 413, 415].

в 1859 и в 1860 гг. и посвящённые пьесам Островского. Деятельность Добролюбова характеризуется твёрдым и последовательным отстаиванием своих эстетических, этических взглядов, общественных идеалов. Ярким примером тому служат эти выступления.

В статье «Луч света в тёмном царстве» критик подчеркнул высокую миссию художника и литературы в развитии человечества, в выражении его естественных стремлений к справедливости и счастью, которые невозможно заглушить. Мерой мастерства писателя и значимости произведения является то, насколько успешно выполнена эта задача. Достоинство пьесы Островского, по мнению автора статьи, заключается в нетрадиционном изображении столкновения долга и страсти, когда не возникает сочувствия к нравственному императиву, согласия с ним. Драма свидетельствует, что назрела необходимость появления новых героев, цельных личностей, стремящихся к свободе, радости бытия, неспособных мириться с произволом. Представителем такого типа русского характера критику представляется Катерина, для которой требование «простора жизни» является естественной необходимостью. Завершение четвёртого явления пятого действия трактуется Добролюбовым как апофеоз драмы: «...конец этот кажется нам отрадным; легко понять почему: в нём дан страшный вызов самодурной силе, он говорит ей, что уже нельзя идти дальше, нельзя долее жить с её насильственными, мертвящими началами. В Катерине видим мы протест против кабановских понятий о нравственности, протест, доведённый до конца, провозглашённый и под домашней пыткой и над бездной, в которую бросилась бедная женщина. Она не хочет мириться, не хочет пользоваться жалким прозябаньем, которое ей дают в обмен за её живую душу»¹. Красноречие, искренняя убеждённость в соединении с дидактиз-

мом, литературный талант Добролюбова производят сильное впечатление².

Продумывая судьбу Анны Карениной и её трагический конец, непроизвольно или осознанно Толстой мог отталкиваться не только от произведения Островского, но и от статей Добролюбова, интерпретации критиком характера Катерины, идейного содержания пьесы. В отличие от ситуации с Островским, вероятность знакомства, существования каких-то личных контактов Толстого и Добролюбова минимальна. В 1856 г. в «Современнике» (№№ 8, 9) появилась статья молодого критика «Собеседник любителей русского слова», и началось его сотрудничество с этим изданием. Со следующего года Добролюбов руководил критико-библиографическим отделом журнала, а с 1859 г. вёл в нём сатирический отдел «Свисток». В мае 1860 г. Добролюбов выехал за границу для лечения, а в июле 1861 г. вернулся на родину безнадежно больным и в ноябре скончался. Гипотетически Толстой мог видеть Добролюбова, когда в конце 1856 г. (ноябрь) встречался с членами редакции «Современника» И. И. Панаевым и Н. Г. Чернышевским, с последним он также общался в январе 1857 г. После возвращения из-за границы писатель эпизодически посещал Петербург: был в конце октября у Некрасова, а затем приезжал в столицу в декабре. В феврале 1858 г. Толстой расторг соглашение с «Современником». Нет сведений, что писатель и критик были представлены друг другу. К тому же по складу своей натуры Добролюбов предпочитал сближаться только с людьми, безусловно близкими ему по убеждениям. По свидетельству В. А. Панаева, двоюродного брата И. И. Панаева, хорошо знакомого с редакцией «Современника», Добролюбов был «весьма даровитый молодой человек, но холодный и замкнутый»³.

¹ Добролюбов Н. А. Луч света в тёмном царстве // Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 6. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1963. С. 361.

² О вероятности знакомства Островского со статьями Добролюбова, посвящёнными «тёмному царству», см.: [6, с. 192–195].

³ Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников // Добролюбов Николай Александрович: [сайт]. URL: <http://dobrolyubov.lit-info.ru/dobrolyubov/vospominaniya/dobrolyubov-v-vospominaniyah-sovremennikov/elizavetina-sovremenniki-o-dobrolyubove.htm> (дата обращения: 20.03.2023).

Упоминания Толстого о Добролюбове крайне редки. У писателя можно найти немало отзывов о таком представителе разночинно-демократического лагеря, как Чернышевский, неприкрытый сарказм в адрес романа «Что делать?» в пьесе «Заражённое семейство», в романе «Анна Каренина», в пьесе «Живой труп», полемично название трактата 1886 г. «Так что же нам делать?» В дневнике от 17 мая 1896 г. Толстой заметил по поводу представителей либеральной и демократической мысли: «Все эти Гр[ановские], Бел[инские], Черн[ышевские], Доброл[юбовы], произведённые в великие люди, должны благодарить правительство и цензуру, без кот[орых] они бы были самыми незаметными фельетонистами. Может быть в них, в Бел[инском], Гран[овском] и др[угих] неизвестных, и было что-нибудь настоящее, но они всё в себе задушили тем, что воображали, что им надо служить обществу в формах обществ[енной] жизни, а не служить Богу исповеданием истины и проповедани[ем] её без всякой заботы об формах обществ[енной] жизни. Было бы содержание, а формы сами собой сложатся. Люди, поступающие так, т. е. своё стремление к истине приурочивающие к существующим формам общества, подобны существу, к[отор]ому даны бы были крылья для того, чтобы летать, не зная препятствий, и к[отор]ое бы употребляло эти крылья для того, чтобы помогать себе ходить. Такое существо не достигло бы своей цели – всякое препятствие остановило бы его и крылья бы испортило. А потом это существо жаловалось бы на то, что его задержали, и с грустью говорило бы (как Грановский), что оно далеко бы пошло, если бы его не задержали препятствия. Свойства истинной духовной деятельности таковы, что её нельзя задержать. Если она задерживается, то это значит только то, что она не настоящая»¹. Косвенная характеристика мировоззренческого типа радикального демократа-

разночинца приведена в воспоминаниях Д. П. Маковицкого, который 14 июля 1906 г. упомянул о посещении писателя студентом Петром Гайдой и о впечатлении, произведённом им на Толстого: на вопрос И. К. Дитерихса, что представляет из себя этот студент, писатель ответил: «Как все студенты: Добролюбов, Чернышевский, Михайловский – он впитал в себя эту премудрость и так ею начинён, что не может воспринять что-нибудь другое. Разумеется, полная самоуверенность»².

Статьи «Тёмное царство» (Современник, 1859, № 7, отд. III, с. 17–78; № 9, отд. III, с. 53–128) и являющаяся её логическим продолжением «Луч света в тёмном царстве» (Современник, 1860, № 10, отд. III, с. 233–292) привлекли к себе пристальное внимание читательской аудитории и не могли быть не замечены Толстым. Их неприятие художником должно было носить принципиальный характер: взгляды Толстого и Добролюбова в области этики и эстетики существенно расходились, мировоззренчески и по своему общественному положению Толстой и Добролюбов были очень далеки друг от друга. Хотя в 1850-е гг. представления писателя о важнейших вопросах искусства, морали, социальной философии ещё проходили фазу становления, исканий, сомнений, отличались неожиданностью, порой эпатажностью, но уже тогда он решительно отторгался от социологизации явлений, утилитаризма, обличительно-сатирического направления, развившегося в русской литературе во второй половине 1850-х гг. А в период написания романов «Война и мир», «Анна Каренина» Толстой предстаёт личностью с самобытным, синкретическим мировоззрением, творцом и сувереном уникальных художественных миров. При этом Толстой и Добролюбов по своему складу – убежденные моралисты, хотя происхождение их морализма различно и масштабы несоизмеримы.

¹ Толстой Л. Н. Дневник 1896 г. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 53. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 90–91.

² Маковицкий Д. П. Яснополянские записки // Литературное наследство. Т. 90. Кн. 2. М.: Наука, 1979. С. 173.

Прежде чем рассмотреть идейно-художественные позиции Толстого и Добролюбова, следует подчеркнуть, что писатель и критик воспринимали и оценивали жизнь в различных познавательных аспектах: один – преимущественно в категориях общественно-политических, другой – в моралистических.

Толстой и Добролюбов обратили особое внимание на фелицитарную проблематику в творчестве драматурга, который обращался к ней на протяжении всего творческого пути [3, с. 134].

Толстой впитал просветительскую телеологию, веру в нравственное усовершенствование общества и человека, уже в юности стал горячим поклонником Руссо, ратовавшего за свободу непосредственного чувства. От женевского мыслителя он воспринял идею природосообразия, взгляды Руссо повлияли на стремление Толстого к самовоспитанию, на его педагогическую деятельность. В дальнейшем нравственно-философские искания привели писателя к Канту, он становится «прямым наследником кантовской традиции абсолютизации морали через установление рационально обусловленной всеобщности нравственного закона» [4, с. 312].

Взгляды Руссо не оставили равнодушным и Добролюбова. Критику импонировал демократизм и гуманизм Руссо, именно с таких позиций он подходил к вопросам педагогики, развития личности, чрезвычайно актуальным в 1860-е гг.. Близки были ему рассуждения Руссо о частной собственности, являющейся основой гражданского общества и вместе с тем причиной неравенства людей, основным источником социального зла. В то же время в работе «Роберт Овэн и его попытки общественных реформ» (1859) Добролюбов выступает скорее сторонником антропологических взглядов Оуэна, чем Руссо, воззрения которого он называет «розовыми»: «Руссо ... провозгласил, что человек добр и совершенен, выходя из рук природы, а только с течением времени, от привычки к жизни и от общения с людьми, делается злым и порочным. Овэн

говорит: ни то, ни другое. В человеке, при рождении его на свет, нет ни *положительного* зла, ни *положительного* добра, а есть только возможность, способность к тому и другому»¹.

Основой мировоззрения Добролюбова стал антропологический рационализм Л. Фейербаха. Им была усвоена онтология, гносеология немецкого философа, его сенсуализм. Помимо этого, он воспринял взгляды Герцена, европейских социалистов-утопистов. Важное значение приобрела для Добролюбова теория «разумного эгоизма», развиваемая Чернышевским, чья этика в значительной степени испытала влияние Фейербаха, представителя утопического социализма III. Фурье, французских материалистов XVIII в. Согласно установкам утилитаристской теории Чернышевского, эгоизм, естественное желание избежать тягот и страданий и стремление к удовлетворению своих потребностей является движущей силой всех действий людей. Однако выше личного интереса Чернышевский ставил интерес социума, отдавал ему приоритет. Если человек, основываясь на выводах разума, руководствуется этим принципом, его поступки этичны и в соответствии с требованиями общей пользы характеризуются как выражение добра. В основе его антропологического принципа лежало отрицание всякого дуализма, сверхчувственного мира. Человек, в понимании Чернышевского, является частью природы, натура его едина.

Добролюбов видел сущность истории в борьбе людей за удовлетворение их природной, неистребимой жажды лучшей жизни, которую невозможно заглушить. Критик признавал ответственным «порядок вещей» за несовершенство личности. Следуя гуманистической традиции, он представлял, как уже отмечалось выше, что человек предназначен для счастья как высшего блага, – т. е. выступал в эти-

¹ Добролюбов Н. А. Роберт Овэн и его попытки общественных реформ // Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 4. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 12.

ке горячим сторонником эвдемонизма в трактовке Фейербаха, развёрнутой в сочинении «Эвдемонизм». Немецкий философ доказывал, что в основе всех действий личности лежит побуждение быть счастливым, которое проявляется на уровне инстинктов, определяет её психологию. «Но счастье есть не что иное, как здоровое, нормальное состояние какого-нибудь существа, состояние хорошего здоровья, или благополучия; такое состояние, при котором существо может беспрепятственно удовлетворять и действительно удовлетворяет его индивидуальным, характерным потребностям и стремлениям, относящимся к его сущности и к его жизни» [8, с. 427–428]. Совесть рассматривается им как заместитель счастья другого человека, на основе и по повелению собственного стремления к счастью [8, с. 4]. «...совесть теснейшим образом связана с состраданием и покоится на ощущении или на убеждении в истинности положения: не делай другим того, чего ты не желал бы, чтобы тебе делали другие» [8, с. 465].

В отличие от революционных демократов Толстой представлял человеческую натуру двойственной. Впервые эта мысль зафиксирована им в философском наброске 1847 г.: «...человек состоит из двух различных деятельностей или спос[обностей] желания, одно из которых ограничено и зависимо и приходит от тела и составляет всё то, что мы называем потребностями человека, 2-я деятельность есть способность желания или воля неограниченная, самоопределяющаяся и сама себя удовлетворяющая»¹. В своих произведениях художник показал текучесть психических состояний и различные побуждения, желания, сосуществующие в душах его героев. Чувственное начало, страсти определяют эгоистические, антиобщественные стремления. Однако человек является не только биологическим, но и духовно-нравственным существом, свя-

занным с другими людьми и со всем миром. Чтобы достигнуть гармонии жизни нужно преодолеть индивидуальную волю, которая направляется эгоизмом, отречься от личного блага и стремиться к благу всеобщему. Толстой рано осознал, насколько разлагающим, негативным может быть влияние общества на личность (вопрос в том, насколько ему открылись глубины эмпирического зла). Но на человека, в его представлении, воздействует весь окружающий многообразный мир: история, природа, космос. Следовательно, он должен быть «сообразен с целым, с источником всего, а не с частью, с обществом ... , и тогда общество, как часть, не будет иметь влияния на *тебя*»². Преодоление зла в жизни начинается с работы над своей душой, мыслями и чувствами. Приобщение к нравственной истине открывает возможности к преобразованию своей натуры, ближних, т. е. к всеобщему единению. Человек в понимании Толстого может полностью погрузиться в эгоистическое, животное состояние и оставаться слепым и глухим к высшему миру, нередко может впадать в духовные заблуждения или же устремляться к обновлению, искать пути нравственного преображения.

С эвдемонистической мечтой у Толстого произошла встреча ещё в детстве в форме рассказанной старшим братом истории о «муравейных братьях» и «зелёной палочке».

Что касается зрелого писателя, то стремление людей к счастью признавалось и по-своему обосновывалось им: с одной стороны, это инстинктивная, прирождённая человеку жажда «живой жизни», ощущение ценности каждого её мига, радости существования; Толстой-сенсуалист признаёт важность чувственного познания. С другой стороны, подлинное счастье возможно лишь при условии общего блага, гармонии отношений людей. Оба момента неразрывно связаны между собой. В то же время его тезис «кто счастлив, тот и прав»,

¹ Толстой Л. Н. Отрывок без заглавия // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1935. С. 234.

² Толстой Л. Н. Тетрадь А. 1847 г. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 46. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1937. С. 4.

направленный не только против официального понимания общественного долга и служения, но и против его революционно-демократической трактовки, выглядит парадоксальным и двусмысленным.

Происходивший из духовной среды Добролюбов уже в юности сознательно занял атеистическую позицию: прежде всего это произошло под влиянием фейербахианства, другая причина заключалась, вероятно, в том, что по своей натуре он был склонен к скептицизму. В то же время факторы мировоззренческие совпали с личными: нравственный перелом произошёл в Добролюбове после ранней смерти горячо любимой матери и последовавшей вскоре кончины отца, – юноша не смог принять существование страдания в мире.

До завершения работы над романом «Анна Каренина» Толстой не порывал открыто с канонами православной церкви, хотя его установки на создание собственного этического учения в рационалистическо-просветительском духе проявляются достаточно явно. Он рассматривал страдание как непременную составляющую человеческой жизни и испытывал своих героев отношением к страданию и к смерти. Надо отметить, что у него тоже произошла встреча с Фейербахом, но уже после совершившегося нравственного переворота: писатель проявил интерес к его антропологизму и атеизму. Отвечая Л. Д. Урусову 22 (?) мая 1885 г., который присылал ему выписки, сделанные из работ философа, Толстой отметил, что они «удивительно хороши и сильны». «Как странно, что F[euerbach] известен только как отрицатель»¹. Сочинение Фейербаха «Сущность христианства» (1841) Толстой назвал в числе тех книг, которые были прочитаны им в возрасте от 50 до 63 лет и произвели на него «большое впечатление»².

Эвдемонизм как направление в этике тесно связан с проблемой добра и зла. Для русских революционных демократов зло имело источник социальный. Судьба человека представлялась им детерминированной условиями жизни. «Отстраните пагубные обстоятельства, и быстро просветлеет ум человека и облагородится его характер», – общеизвестная мысль Чернышевского, высказанная в статье о «Губернских очерках» Салтыкова-Щедрина. Ранее уже отмечалось, что это убеждение разделял и Добролюбов. Достоевский в статье «Анна Каренина» как факт особого значения, помещённой в «Дневнике писателя» за 1877 г. (июль-август), справедливо указывал на принципиальную разницу позиций романиста и представителей революционно-демократического направления в вопросе о природе зла, вине человека: «В “Анне Карениной” проведён взгляд на виновность и преступность человеческую. Взятые люди в ненормальных условиях. Зло существует прежде них. Захваченные в круговорот лжи, люди совершают преступление и гибнут неотразимо: как видно, мысль на любимейшую и стариннейшую из европейских тем. ... Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из неё самой и что, наконец, законы духа человеческого столь ещё неизвестны, столь неведомы науке, столь неопределённые и столь таинственны, что нет и не может быть ещё ни лекарей, ни даже судей окончательных, а есть Тот, который говорит: “Мне отмщение и Аз воздам”»³.

Отношение Толстого к «женскому вопросу», трактовка института семьи, взаимоотношений мужчины и женщины, их осмысление вытекали из прирождённых ему свойств натуры, установки на патриархально-родовое начало, из личного

¹ Толстой Л. Н. Кн. Л. Д. Урусову. 1885 г. Мая 22? Я. П. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 63. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1934. С. 250.

² Толстой Л. Н. М. М. Ледерле. 1891 г. Октября 25. Я. П. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 66. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 68.

³ Достоевский Ф. М. «Анна Каренина» как факт особого значения // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 25. Л.: Наука, 1983. С. 200–201.

опыта, понятий о нравственном долге, которые питались традициями русской классической литературы, а также благодаря приобщению к народному мирозерцанию. В этом заключается своеобразие его философского морализма, представление о жизненной правде.

Уже в 1850-е гг. он достаточно определённо формулирует свои нравственные позиции, хотя отстаивает их брутально, прямолинейно. Д. В. Григорович вспоминал редакционный обед «Современника», состоявшийся скорее всего 6 февраля 1856 г., на котором Толстой, услышав похвалу новому роману Ж. Занд, «резко объявил себя её ненавистником, прибавив, что героинь её романов, если бы они существовали в действительности, следовало бы, ради назидания, привязывать к позорной колеснице и возить по петербургским улицам»¹. «У него уже тогда выработался тот своеобразный взгляд на женщин и женский вопрос, который потом выразился с такою яркостью в романе „Анна Каренина“»², – делал заключение мемуарист. Об этом обеде Тургенев сообщал Боткину: «С Толстым я едва не рассорился – нет, брат, невозможно, чтоб необразованность не отзывалась так или иначе. Третьего дня, за обедом у Некрасова, он по поводу Ж. Занд высказал столько пошлостей и грубостей, что нельзя передать»³.

В романе «Анна Каренина» Толстой воплотил мысль о существовании высших нравственных законов, о судьбах пореформенной России и института семьи в новой реальности, о природном и общественном предназначении женщины, хранительницы домашнего очага, матери, воспитательницы детей, продемонстрировал своё понимание любви плотской как разновидности эгоистической любви чело-

века к самому себе, гибельность чувственных страстей.

Когда Лазурский передавал недоумение писателя по поводу «измены жены» и необходимости сочувствия ей в драме «Гроза», то реакция Толстого, который отказывался считать Катерину личностью действительно страдающей, а все обстоятельства её жизни по-настоящему драматическими, а значит, видел конфликт в пьесе искусственным, была обусловлена его позицией моралиста, инстинктом художника, выносившего «мысль семейную».

Следует учесть и отношение писателя к самоубийству. В ряде произведений Толстого герои идут на этот шаг от безысходности или близки к нему, находясь в духовном, жизненном тупике. Не подлежит сомнению сочувствие им автора. Был период, когда самого писателя, который не достиг ещё пятидесяти лет, посещали мысли о суициде (о чём он писал в «Исповеди»). Однако результатом долгого жизненного опыта Толстого явилось убеждение, что самоубийство не приемлемо. Человек имеет на него право, но это неразумно и аморально. Свой взгляд он высказал в письме к З. М. Любочинской от 25 августа 1899 г., использованном в дальнейшем в статье «О безумии» (1910), трактуя этот акт в духе кантовской этики. «Вопрос, стало быть, не о праве человека убивать себя, а только о том, разумно и нравственно ли (разумное и нравственное всегда совпадают) делать это? И ответ всегда был и есть один: что это и неразумно и безнравственно»⁴. «Пока есть жизнь в человеке, он может совершенствоваться и служить миру. Но служить миру он может только совершенствуясь и совершенствоваться только служа миру»⁵. Такова позиция Толстого-моралиста, пережившего духовный кризис в конце 1870 гг. Для Толстого-художника самоубийство всегда трагично, противоестественно и,

¹ Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: АН СССР, 1957. С. 22.

² Григорович Д. В. Литературные воспоминания. Приложения: «Из воспоминаний» В. А. Панаева. М.: Художественная литература, 1987. С. 133.

³ Тургенев И. С. В. П. Боткину. 8 (20) февраля 1856 // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Письма: в 18 т. Т. 3. М.: Наука, 1987. С. 81.

⁴ Толстой Л. Н. О безумии // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 38. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1936. С. 387.

⁵ Толстой Л. Н. З. М. Любочинской. 1899 г. Августа 25. Я. П. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 72. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1936. С. 175.

безусловно, не может восприниматься как протест.

И вряд ли писатель такого психологического склада пожелал бы реализовать встречающуюся в русской литературе сентиментальную, романтическую коллизию, когда героиня, пережившая любовную драму, в порыве отчаяния бросается в воду (Лиза в «Бедной Лизе» Карамзина, черкешенка из поэмы «Кавказский пленник» Пушкина, Марья Павловна из повести «Затишье» Тургенева).

В области эстетики Добролюбов во многом опирался на работу Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», в определённой степени на наследие Белинского. Сам он создал метод «реальной критики», ряд положений которой был изложен в статьях «Тёмное царство» и «Луч света в тёмном царстве», «Забитые люди» и др. Применительно к произведениям Островского эта методология давала хороший эффект. В пьесах драматурга передана атмосфера русского мира с его социальными и нравственными конфликтами, показаны взаимоотношения личности и среды, власти обстоятельств, в них звучит сострадание к «маленькому человеку», чрезвычайно ярко реалистически изображена среда, представлены образы самодуров и безответных жертв, «волков» и «овец», страдающих женщин.

В выступлениях Добролюбова на страницах «Современника» активно заявляет о себе публицистическое начало. Свою миссию он видел в том, чтобы быть литературным и социальным просветителем. Критический взгляд на действительность Добролюбов считал наиболее результативным и востребованным современностью. Опираясь на свой метод, он стремился осмыслить те жизненные явления, которые отразились в художественном произведении, уяснить, верны ли действительности изображённые события и образы. Если автор не указывает причин, породивших их, критик обязан высказать собственные соображения по этому поводу, т. е. завершить дело, начатое писателем, и сформулировать приговор изображённой беллетристом

жизни и типам с революционно-демократических позиций. В своих критических разборах Добролюбов делал акцент на неприглядных сторонах реальности, чтобы пробудить в читателе чувство протеста против существующего «порядка вещей», мысль о необходимости принципиального социального переустройства. В статье «Забитые люди» (1861) он сформулировал требования к литературе, противопоставляя творчество писателей сороковых годов произведениям современных литераторов: «Видно, что тогда были другие годы, другие силы, другие идеалы. То было направление живое и действенное, направление истинно гуманическое, не сбитое и не ослабленное разными юридическими и экономическими сентенциями. Тогда к вопросу о том, отчего человек злится или ворует, относились так же, как и к вопросу, зачем он страдает и всего боится: с любовью и болью начинали приниматься за патологическое исследование подобных вопросов, и если бы продолжалось это направление, оно, без сомнения, было бы плодотворнее всех, за ним последовавших»¹.

Спор писателя и критика в интерпретации текста он решал в пользу последнего, поскольку считал, что критик более объективен в силу отстранённости своей позиции. Главное содержание его статей – гуманистический пафос, обличение социальных несовершенств и стремление к преобразению жизни, поиск новых типов. Руководствуясь избранным методом, Добролюбов порой допускал перетолковывание художественных образов и намерений писателя в соответствии со своей идеологической позицией, что неоднократно отмечалось исследователями. Порой критик приходил к таким выводам, которые были шокирующими, неприемлемыми для автора, как произошло со статьей «Когда же придёт настоящий день?» по поводу романа «Накануне», вызвавшей резкую реакцию Тургенева. Хотя

¹ Добролюбов Н. А. Забитые люди // Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 244.

в своём стремлении к учительной роли, в склонности к авторитаризму Добролюбов и Толстой не так уж далеки друг от друга.

Особенностью мышления Добролюбова являлась умозрительность, он, как и Чернышевский, личность «кабинетная». Это объясняется индивидуальными интеллектуальными особенностями Добролюбова и условиями, в которые его поставила судьба. Толстой в 1850-е гг., несмотря на внутренние и внешние метания, уже имел багаж эмпирического опыта, который дали учеба в Казанском университете, служба в канцелярии Тульского губернского ведомства, участие в войне с горцами на Кавказе, служба в Дунайской армии, участие в обороне Севастополя, хозяйственная деятельность в имении, заграничные путешествия по Франции, Швейцарии, Италии, Германии, Англии, Бельгии, увлечение педагогикой и обучение крестьянских детей в Ясной Поляне (1859–1860). Добролюбов в силу своего возраста и житейских обстоятельств не обладал такими реальными знаниями, знакомством с повседневным существованием простого народа, разнообразными впечатлениями: осенью 1853 г. с рекомендацией для поступления в Духовную семинарию он приехал из Саратова в Петербург и в возрасте 17 лет поступил в Главный педагогический институт, с 1856 г. начал литературную деятельность, протекавшую в столице, и только незадолго до ранней кончины познакомился с социальным укладом и культурой Западной Европы.

В статье «Луч света в тёмном царстве» ярко проявились такие установки творчества Добролюбова, как упорная борьба за человеческое достоинство, страстное желание, чтобы в современной ему действительности и в отечественной литературе сформировалась духовно свободная, активная личность, вступающая в борьбу с гнётом среды, обстоятельствами, с общественным злом, способная протянуть руку помощи слабым и угнетённым. Эти упования с особой силой прозвучали в финале его последней критической работы «Забитые люди»: «И вот этим-то людям,

имеющим в себе достаточную долю инициативы, полезно вникнуть в положение дела, полезно знать, что большая часть этих забитых, которых они считали, может быть, пропавшими и умершими нравственно, – всё-таки крепко и глубоко, хотя и затаённо даже для себя самих, хранит в себе живую душу и вечное, неисторжимое никакими муками сознание своего человеческого права на жизнь и счастье»¹. Критик остро ощущал своеобразие поворотного момента в русской жизни, когда вот-вот всколыхнутся её глубины. (Возможно, метафорическое выражение «тёмное царство» является перефразировкой евангельского «власть тьмы», а «луч света» восходит к словам, обращённым к уверовавшим, из стиха 14 пятой главы Евангелия от Матфея: «Вы свет мира» (Мф. 5: 14)).

По убеждению Добролюбова, художественность должна находиться на службе идейного содержания. В этом вопросе его принципиальным оппонентом выступил Достоевский в статье под названием «Г-н – бов и вопрос об искусстве» (1861). В ней писатель рассуждал о том, что общественно-политические, обличительные установки критика и публициста, склонного к теоретизированию, не дают ему возможности осознать и прочувствовать всё многообразие окружающей действительности, её эстетической ипостаси. Тем самым система взглядов Добролюбова на жизнь страдает односторонностью, субъективностью. «Чем познаётся художественность в произведении искусства? Тем, если мы видим согласие, по возможности полное, художественной идеи с той формой, в которую она воплощена»². Достоевский провозгласил высокую роль искусства в мире, выступил против утилитаризма, дидактизма: «...у искусства собственная, цельная, органическая жизнь

¹ Добролюбов Н. А. Забитые люди // Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 275.

² Достоевский Ф. М. Г-н – бов и вопрос об искусстве // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 18. Л.: Наука, 1978. С. 80.

и, следовательно, основные и неизменные законы для этой жизни. ... Потребность красоты и творчества, воплощающего её, – неразлучна с человеком, и без неё человек, может быть, не захотел бы жить на свете»¹.

В области эстетики Добролюбов во многом опирался на диссертацию Чернышевского, автор которой полагал, что «Сила искусства – сила комментария...»². По его убеждению, «воспроизведение жизни – общий, характеристический признак искусства, составляющий сущность его; часто произведения искусства имеют и другое значение – объяснение жизни; часто имеют они и значение приговора о явлениях жизни»³.

Заключение

Пятидесятые годы для Толстого время эксперимента и напряжённой работы мысли, усвоения впечатлений бытия и в то же время упрямое следование спонтанно возникавшим художественным импульсам. В поисках истины писатель часто двигался интуитивным путём. Как отмечал Б. М. Эйхенбаум, позиция молодого Толстого характеризуется стихийностью: он то сближается, то расходится с Тургеневым, выступает против Чернышевского в содружестве с представителями «эстетической критики» Анненковым, Боткиным, Дружининым, довольно быстро охладевает к «бесценному триумvirату», сближается со славянофилами и разочаровывается в них. «Друзья объясняли это тем, что у него “не сформировалось ещё взгляда на жизнь”»; они были правы, но только в том смысле, что он и *не хотел* сформировывать его в виде тех или иных “убеждений” или “теорий” и предпочитал, разрушая их, смотреть на них “свыше” и пребывать в состоянии

“гармонического колебания” между противоречиями, созная (как и в области “диалектики души”) правоту противоположностей» [10, с. 813].

Художника волнует вопрос о месте человека в мироздании, он стремится рационально и чувственно к постижению основ бытия, апологизирует «живую жизнь», им движет желание передать поэтическими средствами красоту вселенной, Толстой одухотворяет природу, составной частью которой является человеческое существо. В области психогизма он углублён в проблемы духовно-нравственного развития личности, соотносит диалектику процессов, протекающих в действительности и в душе человека. Уже в 1850-е гг. в художественном мире писателя рождаются такие оппозиции, как «война – мир», «природа – цивилизация», «судьба народа – существование привилегированных сословий». Творческая деятельность Толстого с самого начала неразрывно связана с поисками духовного идеала, общечеловеческого единения.

Эстетические принципы, на которые опирался Чернышевский, изложенные в известной диссертации, не стали для него препятствием при оценке «постоянно развивающегося таланта писателя». Он тонко уловил художественность и «чистоту нравственного чувства», которым проникнуты его произведения: «Нужно иметь много вкуса, чтобы оценить красоту произведений графа Толстого; но зато человек, умеющий понимать истинную красоту, истинную поэзию, видит в графе Толстом настоящего художника, то есть поэта с замечательным талантом»⁴.

А в романе «Анна Каренина» социально-философское, нравственное и эстетическое взаимно обогащают друг друга и образуют безупречное гармоническое целое.

¹ Достоевский Ф. М. Г-н – бов и вопрос об искусстве // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 18. Л.: Наука, 1978. С. 94.

² Чернышевский Н. Г. Эстетические отношения искусства к действительности // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 75.

³ Там же. С. 92.

⁴ Чернышевский Н. Г. Детство и отрочество. Сочинение графа Л. Н. Толстого. Военные рассказы графа Л. Н. Толстого // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 3. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 92.

Погружение в творческую лабораторию писателя открывает возможности приобщиться к процессу поиска и созидания: от зарождения замысла до его реализации. Так, решение, принятое pro или contra какой-либо ассоциации, сюжетного хода, может многое рассказать о движении авторской мысли, об идейно-эстетических установках художника, о «духе времени», в которое создавалось произведение, притяжениях и отталкиваниях в литературном мире. Выбор, сделанный писателем в пользу одного из вариантов трагического

исхода в романе «Анна Каренина», даёт представление о разнообразии ассоциаций, творческих импульсов, которые возникали у автора при взаимодействии с драмой Островского и «реальной критикой» Добролюбова, свидетельствует о принципиальных разногласиях с демократическим крылом русской общественной мысли по вопросам социальным, этическим, эстетическим.

Статья поступила в редакцию 23.03.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ветелина Л. Г. Проблема нравственного выбора в пьесах А. Н. Островского («Гроза», «Сердце не камень») // Ипатьевский вестник. 2022. № 3 (19). С. 156–171.
2. Громова-Опульская Л. Д. А. С. Пушкин у истоков «Анны Карениной»: текстология и поэтика // Громова-Опульская Л. Д. Избранные труды. М.: Наука, 2005. С. 236–246.
3. Зайцева Т. Б. «Перспектива мыслей» о счастье в драматургии А. Н. Островского // Libri magistri. 2022. № 1 (19). С. 134–144.
4. Ключова М. Л. Л. Н. Толстой и И. Кант: проблема обоснования морали // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. Фундаментальные и прикладные исследования. 2006. Вып. 4 (20). С. 310–312.
5. Лакшин В. А. Александр Николаевич Островский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1982. 568 с.
6. Лакшин В. Об отношении Островского к Добролюбову. (По новым материалам) // Вопросы литературы. 1959. № 2. С. 192–195.
7. Мирзоян А. В. Судьба женщины как сюжетобразующий элемент драматургии А. Н. Островского // Трибуна учёного. 2021. № 5. С. 411–415.
8. Фейербах Л. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / пер. С. А. Ромашко. М.: Наука, 1995. 502 с.
9. Шалимова Н. А. Островский своими словами, штрихами и красками // Вопросы театра. 2018. № 3–4. С. 10–26.
10. Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Исследования. Статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, 2009. 952 с.

REFERENCES

1. Vetelina L. G. [The Problem of Moral Choice in the Plays of A. N. Ostrovsky (“Thunderstorm”, “Heart is not a Stone”)]. In: *Ipat'evskii vestnik* [Ipatiev Bulletin], 2022, no. 3 (19), pp. 156–171.
2. Gromova-Opuł'skaya L. D. [A. S. Pushkin at the Origins of Anna Karenina: Textual Criticism and Poetics]. In: Gromova-Opuł'skaya L. D. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 236–246.
3. Zaitseva T. B. [The Perspective of Thoughts” about Happiness in the Dramaturgy of A. N. Ostrovsky]. In: *Libri magistri*, 2022, no. 1 (19), pp. 134–144.
4. Klyuzova M. L. [L. N. Tolstoy and I. Kant: The Problem of Substantiating Morality]. In: *Vestnik Belgorodskogo universiteta potrebiteľ'skoi kooperatsii. Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya* [Bulletin of the Belgorod University of Consumer Cooperation. Fundamental and Applied Research], 2006, iss. 4 (20), pp. 310–312.
5. Lakshin V. A. *Aleksandr Nikolaevich Ostrovskii* [Alexander Nikolaevich Ostrovsky]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1982. 568 p.
6. Lakshin V. [Ostrovsky's Attitude to Dobrolyubov. (Based on New Materials)]. In: *Voprosy literatury* [Questions of Literature], 1959, no. 2, pp. 192–195.
7. Mirzoyan A. V. [The Fate of a Woman as a Plot-Forming Element in the Dramaturgy of A. N. Ostrovsky]. In: *Tribuna uchyonogo* [Tribune of the Scientist], 2021, no. 5, pp. 411–415.

8. Feuerbach L. A. Collected Works (Rus. ed.: Romashko S. A., transl. *Sochineniya. T. 1.* Moscow, Nauka Publ., 1995. 502 p.).
9. Shalimova N. A. [Ostrovsky in His Own Words, Strokes and Colors]. In: *Voprosy teatra* [Problems of the Theater], 2018, no. 3–4, pp. 10–26.
10. Eikhenbaum B. M. *Lev Tolstoi. Issledovaniya* [Leo Tolstoy. Research. Articles]. St. Petersburg, Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University Publ., 2009. 952 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Павлова Ирина Борисовна – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук;
e-mail: antologia1@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina B. Pavlova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Senior Researcher, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: antologia1@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Павлова И. Б. Драма «Гроза» А. Н. Островского – объект полемики Л. Н. Толстого с Н. А. Добролюбовым // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 2. С. 98–112.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-98-112

FOR CITATION

Pavlova I. B. The Drama “Thunderstorm” by A. N. Ostrovsky as the Object of the Polemic of L. Tolstoy with N. Dobrolyubov. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 2, pp. 98–112.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-98-112